

Лесная глушь. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://saltykov-shchedrin.ru/> Приятного чтения!

Лесная глушь. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин

Картины народного быта. С. Максимова. 2 тома. СПб. 1871

Существует довольно распространенное мнение, что современная русская беллетристика представляет ценность очень невеликую, и надо сознаться, что в этом мнении есть значительная доля правды. Отрывки, очерки, сцены, картинки – вот пища, которую предлагают читателю даже наиболее талантливые из наших беллетристов. О цельном, законченном создании, о всестороннем воспроизведении современности с ее борьбою и задачами нет и помину. Читатель обязывается удовлетворяться более или менее удачною разработкой частностей и затем, если желает, сам уже должен отыскивать связь между этими частностями и сводить концы с концами. А если по временам и случается, что какой-нибудь самонадеянный беллетрист решится окунуться в пучину романа или драмы, то решимость эта обыкновенно приводит к самым печальным последствиям. Или является беззащитное лганье, в котором самые лучшие стремления современности приносятся в жертву мамоне и недомыслию, или выводятся на сцену люди, непохожие на людей, произносятся речи, непохожие на речи, и воспроизводятся поступки, не имеющие характера поступков. В первом случае читатель присутствует при постыднейшей вакханалии, в которой яркость красок и развязное отношение к вещам и событиям служат заменой таланта; во втором – читатель с недоумением видит перед собой византийский иконостас, в котором нет ни одной не покоробленной доски, слышит гнусавое пение и делается свидетелем ни с чем не сообразных кружений, маханий и других того же сорта упражнений.

А между тем едва ли можно сказать, чтобы современная русская жизнь была совершенно обездолена относительно внутреннего содержания. Мы видели и видим целые массы людей, которые радуются, восторгаются, пламенеют и, с своей точки зрения, имеют полное основание восторгаться и пламенеть. Рядом с этими людьми мы видели и видим массы людей, угнетаемых страхом, снedaемых ненавистью и недоброжелательством и, конечно, считающих свои ненависти и опасения небезосновательными. Допустим, что по зрелом исследовании этих восторгов и этих ненавистей окажется, что они не более как плод недоразумения, но разве картина общества, находящегося под игом непрерывного недоразумения, сама по себе не есть любопытнейший предмет для художественных разъяснений? Напротив, нам кажется, что тут-то и обретается настоящая почва для общественной драмы, ибо в обществе, где недоразумение становится главным регулятором жизненных отношений, драматические положения должны вырастать, так сказать, на каждом шагу. В таком обществе люди, которых интересы совершенно тождественны, по недоразумению или из-за вздора, из-за брошенной кости, побивают друг друга; напротив того, люди, у которых, по ближайшем рассмотрении, не окажется ни одной общей цели, подают друг другу руки во имя каких-то общих интересов и даже изливают друг перед другом сердца. Отцы не понимают детей, друзья оказываются врагами, либералы впадают в консервативное остервенение, консерваторы эмансипируются и выказывают признаки резвости. И ежели подкладкой ко всей этой суматохе служит отсутствие сознательного отношения к вещам или же просто-напросто «пленной мысли раздраженье», то это нимало не вредит интересу картины, а, напротив, придает ей некоторую пикантность, ибо и «пленной мысли раздраженье»[1] есть очень богатый предмет для художественного исследования. Представьте себе человека, который много лет думал, что он служит «святому» делу, который много лет пламенел, порывался и даже неистовствовал и который вдруг убеждается, что он все время служил совсем не делу, а выеденному яйцу, – какая должна закипеть в его душе драма при этом открытии? Или представьте себе кучку людей, которые соединились для какой-либо общественной цели (ну, хоть для сыроварен) и, как это обыкновенно водится, даже излили предварительно друг перед другом сердца, и вдруг оказывается, что они разговаривали совсем о разных предметах, что у них не только взгляды, но и души совсем разношерстные, что им не рука об руку следует идти, а взаимно ехидствовать и подстерегать, – какое интересное драматическое положение может возникнуть из этого открытия? А сколько характерных эпизодов могут представить, например, непрерывное развитие хищничества и тот бездонный запас легкомыслия, хвастовства, наглости, самонадеянности, в котором сколько ни черпай, все ему скончания не будет. И все эти лжи, обманы, коварства, надежды, разочарованья – все это кишит вокруг нас, в том обществе, среди которого мы живем, а в литературе нашей все-таки нет даже признаков чего-нибудь похожего на общественный роман или общественную драму. Русские беллетристы или размениваются

Лесная глушь. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru на мелочи, или же остаются на почве сороковых годов, то есть продолжают разрабатывать помещичьи любовные дела. Что сей сон означает? То ли, что русская земля оскудела беллетристическими талантами, или то, что разнообразие драматических элементов, несмотря на свою несомненность, подобно сказочному кладу, не дается нашим беллетристам в руки?

С первым предположением согласиться невозможно. Русская земля всегда во множестве производила «быстрых разумом Ньютонов» и даже на наших глазах явила доказательство своей производительности, опутав себя непроглядною сетью адвокатов, мировых судей, посредников, земских деятелей, концессионеров и других алчущих и жаждущих людей. Ужели страна, скрывающая в своих недрах столь несомненные богатства, бессильна произвести хоть одного благонадежного беллетриста? Или беллетристом быть труднее, нежели, например, деятелем по части внутренней политики, каковых мы, однако ж, видим целые пригоршни и притом весьма хорошего качества? Но в таком случае, почему же та самая страна, которая еще так недавно производила Тургеневых, Гончаровых, Писемских, Григоровичей и т. д., в последнее время вдруг как бы встала в тупик?

Воля ваша, а тут что-нибудь да не так. Хоть и не весьма ободрительно, что на смену Тургеневу является г. Омулевский, на смену Гончарову – г. А. Михайлов и на смену Гоголю – г. Лейкин, но из этого было бы весьма неосновательно заключать, что творчество природы иссякло и что затем ничего уже не может быть, кроме светопреставления. Лучше спросим себя, вправе ли мы изумляться и огорчаться подобными заменами? вправе ли критика выводить какие-либо заключения о том, в какой степени виноваты современные русские беллетристы в относительной малоценности их произведений? вправе ли она находить бездарность там, где, собственно, ничего нет, кроме вполне добросовестной и правильной попытки отыскать для русской повести новую почву, попытки робкой и притом всячески затрудняемой?

Талант писателя-художника тогда только развивается и крепнет, когда его исследования встречают свободный доступ ко всем общественным сферам, ко всем вопросам, занимающим общество. Но этого еще мало: самый угол зрения его на исследуемые предметы должен быть изъят от какого бы то ни было давления. Диккенсы, Шпильгагены, Жорж Занды вводят за собой читателя всюду и притом не скрывают от него своих симпатий и антипатий. Никто не удивляется этому, никто не называет их за это ни нигилистами, ни попираетелями авторитетов. Они свободны в своих воззрениях, свободны в своем творчестве, и потому всякий вправе требовать, чтобы воззрения их были проведены последовательно и чтобы творчество их было действительное, живое творчество, а не азбучное. Представьте себе, что Шпильгаген стеснился бы ввести читателя в резиденцию принца, а вместо того пригласил бы его на дачу титулярного советника – какой характер получила бы драма, рассказанная в романе «Вперед»? Может быть, он сумел бы и здесь справиться с своею задачей, но, во всяком случае, это была бы не та драма, которую он рассказал в романе «Вперед». Во всяком случае, это был бы не тот Шпильгаген, которого мы знаем, а может быть... г. Бажин, г. Омулевский... может быть, даже г. Засодимский! Но ежели относительно Шпильгагена даже предположение подобного рода должно показаться диким, то почему же оно не кажется диким относительно русских беллетристов? Почему русский беллетрист во что бы то ни стало должен извлечь драму из того стакана воды, в котором фаталистически заключена его творческая деятельность?

Нам возразят, быть может, что писали же романы Тургенев, Гончаров, Писемский, писали при условиях еще менее благоприятных, а романы выходили все-таки хорошие. Что романы названных писателей имеют известные и притом бесспорные достоинства – это никто не отрицает, но не надо забывать, что почва, на которой стоят эти романы, совсем иная, нежели та, на которую усиливается вступить современный косноязычный русский роман. Там на первом плане стояли вопросы психологические, здесь – вопросы общественные; там материал был готовый, разработанный целым рядом беллетристов-предшественников (за исключением, впрочем, материала, составляющего содержание «Записок охотника», но зато это и не роман, а ряд рассказов и очерков), – здесь ничего не выработано, не приготовлено, не объяснено. Разрабатывать по-прежнему помещичьи любовные дела сделалось немислимым, да и читатель стал уже не тот. Он требует, чтоб ему подали земского деятеля, нигилиста, мирового судью, а пожалуй, даже и губернатора. А где их найти? как найти? под каким соусом подать?

Представьте себе, читатель, современного русского беллетриста, задавшегося

Лесная глушь. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru задачей Гоголя: провести своего героя через все общественные слои (Гоголь так и умер, не выполнив этой задачи). Может ли он привести в исполнение свое намерение, и если может, то под какими условиями? – вот в чем весь вопрос. Вникните добросовестно в его сущность, обсудите его практическую обстановку и ответьте. Мы, с своей стороны, по крайней мере, вполне убеждены, что вы не только сознаете всю неуместность такого вопроса, но даже поспешите заменить его другим: можно ли допустить в русском беллетристике подобное дерзновенное намерение? можно ли вообразить себе такого русского литератора, которого постоянно не преследовала бы мысль: да кто же меня туда пустит? Спрашивается теперь: каким образом русский писатель приступит к созданию общественного романа, когда он на каждом шагу должен сдерживаться и фальшивить, когда он ежеминутно должен напоминать себе: туда не заглядывай, о том не моги говорить и т. д.

Но отвратим лицо наше от этого печального зрелища и обратимся к книге г. Максимова.

Г-н Максимов принадлежит к числу лучших наших этнографов-беллетристов, и изданное им ныне новое собрание очерков и рассказов служит несомненным тому доказательством. Драгоценнейшее свойство г. Максимова заключается в его близком знакомстве с народом и его материальной и духовною обстановкою. В этом смысле рассказы его должны быть настольною книгой для всех исследователей русской народности, наравне с трудами Даля, Мельникова, Якушкина и других.

Примечания

Условные сокращения

Изд. 1933–1941 – Н. Щедрин (М. Е. Салтыков). Полное собрание сочинений в 20-ти томах, М. – Л. 1933–1941.

ЛН – «Литературное наследство».

Неизвестные страницы – М. Е. Салтыков-Щедрин. Неизвестные страницы. Редакция, предисловие и комментарии С. Борщевского, М. – Л. 1931.

Письма, 1924 – М. Е. Салтыков-Щедрин, Письма. 1845–1889. Под ред. Н. В. Яковлева. Л. 1924.

ОЗ – «Отечественные записки».

С – «Современник».

ИРЛИ – Институт русской литературы АН СССР (Пушкинский дом), Отдел рукописей.

ЦГАЛИ – Центральный государственный архив литературы и искусства.

Z. f. sl. Ph. – «Zeitschrift für slavische Philologie». Hsg. von Dr. Max Vasmer. V. IV, Doppelheft 1–2. Leipzig, 1927.

Лесная глушь. Картины народного быта С. Максимова. 2 тома СПб. 1871.

ОЗ, 1871, № 12, отд. «Новые книги», стр. 225–229 (вып. в свет – 17 декабря). Без подписи. Авторство указано В. В. Гиппиусом – Z. f. sl. Ph., S 184, подтверждено на основании анализа текста С. С. Борщевским – изд. 1933–1941, т. 8, стр. 522–524.

Случилось так, что эта рецензия оказалась последней рецензией Салтыкова в «Отечественных записках», в которой ставятся общие проблемы русского литературного развития и, прежде всего, центральный для его литературной критики вопрос – об отношениях беллетристики к современной русской жизни. Тем самым рецензия на «Лесную глушь» приобретает значение итоговой, завершающей (хотя после нее и было напечатано несколько других рецензий Салтыкова). По вопросам эстетическим и литературным Салтыков высказывался после 1871 г. уже не в литературно-критических статьях и рецензиях, а в художественно-публицистических произведениях.

Салтыков видит в современной беллетристике несколько направлений, и ни одно из них его не удовлетворяет, ибо ни одно из них не достигает самого важного – воспроизведения «внутреннего содержания» русской жизни в ее, при всей внешней хаотичности, целом.

Среди многих направлений выделяются два главных, различающихся как по времени своего возникновения, так и по содержанию и жанрам (ср. статью «Напрасные опасения»). Первое из них рождено 40-ми годами, почва его – психологическая, жанр, созданный им, – роман. Второе появилось в 60-х годах, оно пытается встать на иную почву – общественную. Это направление чаще всего предлагает читателям «отрывки, очерки, сцены, картинки». Если же оно обращается к романическому творчеству, то роман этот – «косноязычный» (вероятно, в первую очередь разумеется самый крупный представитель «нового направления», скончавшийся в 1871 г. Ф. М. Решетников – см. статью «Напрасные опасения» и рецензию на роман «Где лучшее»).

Беллетристы первого направления, при всех их неоспоримых заслугах, в общем, проявили враждебность по отношению «к интересам, занимающим современное мыслящее русское общество» (рец. на роман Омулевского «Светлов», см. наст. том, стр. 411). Результатом этой враждебности были или, как сказано в тон же рецензии, «дидактизм, полемизирующий в пользу интересов отживающих и в ущерб интересам нарождающимся» (то есть так называемая антинигилистическая тенденция), или, в лучшем случае, разработка «помещичьих любовных дел» (наст. рецензия). Ни о каком общественном романе в этом случае не может быть и речи, а являются лишь «постыдная вакханалия» или «византийский иконостас».

Беллетристы второго направления всецело сочувствуют движению современности, но и они оказываются неспособными создать общественный роман. Одна из причин этой фатальной неспособности, на которую особо обращает внимание Салтыков в настоящей рецензии, – отсутствие «свободного доступа ко всем общественным сферам».

Руководствуясь своей собственной художественной практикой, Салтыков формулирует некоторые существенные признаки общественного романа, это – новая тематика («общество, находящееся под игом недоразумения», «беспрерывное развитие хищничества», «бездонный запас легкомыслия, хвастовства, наглости, самонадеянности» и т. д.), новые герои («земский деятель, нигилист, мировой судья, а, пожалуй, даже и губернатор»), сюжет, принципиально отличающийся от сюжета «психологического» романа, хотя и не новый («провести своего героя через все общественные слои»), и т. д.

Комментарии

1 ...«пленной мысли раздраженье»... – из стихотворения Лермонтова «Не верь себе».

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://saltykov-shchedrin.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!